

І. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Е. В. Аристов

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь*

ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ПРИНЦИПА СОЦИАЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ АВСТРАЛИИ

Интереснейшую эмпирическую основу в исследовании сущности, природы, особенностей проявления и выражения социальности государства и обеспечения благосостояния населения дает Австралия.

Принцип социальности государства на конституционном уровне в Австралии не закрепляется напрямую, однако приведенное ниже положение позволяет говорить о социальном характере этой страны.

Согласно пункту XXIII-A ст. 51 Конституционного акта (Конституции) Содружества Австралии от 1900 г. (вступившего в силу в 1901 г.)¹, которая содержит перечень законодательных полномочий Парламента Австралии, Парламент с учётом положений данного Конституционного акта вправе принимать законы для обеспечения мира, порядка и надлежащего управления Содружеством в отношении предоставления пособий по беременности и родам, пенсий вдовам, денежного обеспечения для детей, предоставления пособий по безработице, болезни, больничных и фармацевтических пособий, предоставления медицинских и стоматологических услуг, пособий студентам и семьям.

Содержание принципа социальности государства нашло отражение в следующих решениях судов Австралии.

Решение Верховного суда штата Виктория Австралии от 27 февраля 1976 г. № [1976] VicRp 50; [1976] VR 501 по делу «Тансел против "Renown Plate Co Pty Ltd"»

Истец по данному делу был серьезно ранен на рабочем месте, его рука была раздавлена прессом, которым он управлял. Впоследствии он обратился в окружной суд в Мельбурне с иском против своего работодателя с целью получить компенсацию за причиненный ему ущерб. Ответчик по данному делу признал свою ответственность и выплатил истцу компенсацию в размере согласно вынесенному указанным судебным органом решению. Однако истца не устроил подход суда первой инстанции к исчислению размеров компенсации, который был основан на определении размеров утраченной истцом нетрудоспособности, поэтому он обратился с апелляцией в Верховный суд штата Виктория.

Как указал Верховный суд штата Виктория, «в современном обществе из-за политики так называемого государства благосостояния некоторые формы поддержки обеспечиваются государством и стали достаточно распространенным явлением».

Верховный суд штата Виктория также отметил, что с появлением государства благосостояния, в котором истец по данному делу получает помощь от государства в случае любого рода безработицы, то в соответствии с принципами справедливости и правосудия, а также согласно государственной политике истец должен получить компенсацию только за фактический ущерб, причиненный ему безработицей, но не более².

Решение Федерального суда Австралии от 3 ноября 2006 г. № [2006] FCA 1414 по делу «Комиссар по налогам и сборам против "Word Investments Ltd"»³

В своем решении по данному делу Федеральный суд Австралии отметил, что с упадком государства благосостояния благотворительные организации, как ожидается, должны расширять сферу своей деятельности, имея при этом то же неизменившееся количество ресурсов.

Решение Федерального суда Австралии от 22 мая 2013 г. № [2013] FCA 480 по делу «Биллингтон против Секретаря Департамента по делам семей, жилищного обеспечения, общественным услугам и по делам коренного населения»

При обосновании своего решения по данному делу Федеральный суд Австралии указал, что такова природа современного государства благосостояния и, соответственно, всепроникающей роли органов публичной власти в нашем обществе, что иногда серьезные конституционные вопросы могут

возникать самым неожиданным образом и в отношении наиболее естественных событий, как в данном деле рождения ребенка.

Что касается сути дела, то 30 марта 2011 г. заявитель по данному делу родила сына и оставалась с ним в медицинском учреждении до 4 апреля 2011 г. 5 апреля 2011 г. заявитель обратилась в соответствующее учреждение для получения государственной выплаты в соответствии с законодательством о помощи семьям, известной как «бейби-бонус».

Согласно указанному законодательству одним из критериев, которым должен был соответствовать ребенок, чтобы на него могло быть получено такое пособие, являлся уход за таким ребенком со стороны взрослого, который несет за него полную ответственность, и пособие предоставлялось за весь срок предоставления такого ухода ребенку указанным взрослым.

31 марта 2011 г. магистрат Саутпорта (штат Квинсленд) издал приказ в соответствии с законодательством о защите детей в отношении ребенка заявителя (без уведомления заявителя) о том, что до 3 апреля 2011 г. тот находился под защитой главы Департамента общественных услуг. Однако 1 апреля 2011 г. другой магистрат штата Квинсленд продлил действие данного приказа до полуночи 4 апреля 2011 г.

4 апреля 2011 года сын заявителя был передан в приемную семью, и заявитель более с ним не контактировала.

В итоге было установлено, что заявитель несла ответственность за ребенка только в течение одного дня, 30 марта 2011 года, и ей положена лишь соответствующих размеров небольшая выплата. Заявитель обратилась с иском в суд первой инстанции⁴.

Решение Высокого суда Австралии от 20 августа 1984 г. № [1984] HCA 52; [1984] 155 CLR 549 по делу «Жэни против Коффи»⁵

В данном решении Высокий суд Австралии выразил свою позицию относительно влияния государства благосостояния на развитие законодательства о причинении личного вреда.

Как указал Высокий суд Австралии, ранее законодательство о халатности развивалось тогда, когда фактически не существовало социального обеспечения, однако в настоящее время в Австралии оно должно развиваться последовательно, с развитием всеобъемлющей национальной системы медицинского обеспечения, а также системы предоставления пособий в рамках социального обеспечения.

Также, как отметил в данном решении Высокий суд Австралии, федеральное законодательство Австралии о социальном благосостоянии предусматривает предоставление пенсионных пособий по инвалидности, а также различных пособий для безработных или больных. И медицинские расходы, во всяком случае те, которые покрываются указанными государственными программами, не должны учитываться при исчислении размеров компенсации за причинение личного вреда.

Решение Административного апелляционного трибунала Австралии от 28 июня 1988 г. № [1988] AATA 561 по делу «Шейн Томас О'Брайен против Министра по вопросам иммиграции, местного самоуправления и по этническим вопросам»⁶

В своем решении по данному делу Административный апелляционный трибунал Австралии отметил, что в государстве благосостояния иногда людям слишком легко намеренно обмануть систему. И это не может быть оправдано даже тем, что люди чувствуют, что не получили от общества справедливого отношения.

Анализируя вышеуказанную судебную практику – решения различных судов Австралии, можно сделать следующие выводы о ее влиянии на проблематику социального государства (в части постановки проблем и способов их разрешения):

- в соответствии с принципами справедливости и правосудия любое лицо должно получить компенсацию только за фактический ущерб, причиненный ему безработицей;
- медицинские расходы, покрываемые государственными программами, не должны учитываться при исчислении размеров компенсации за причинение личного вреда;
- одним из критериев, которым должен соответствовать ребенок, чтобы на него могло быть получено пособие, является уход за ним со стороны взрослого, который несет за него полную ответственность, и пособие необходимо предоставлять за весь срок такого ухода за ребенком;
- в государстве благосостояния людям слишком легко намеренно обмануть систему, это не может быть оправдано даже тем, что люди чувствуют, что не получили от общества справедливого отношения.

¹ Конституционный акт (Конституция) Содружества Австралии от 1900 года [Commonwealth of Australia Constitution Act (The Constitution) of 1900] // <<https://www.comlaw.gov.au/Details/C2013Q00005>>; <<http://www.austlii.edu.au/au/legis>>.

² Case «Tuncel v. Renown Plate Co Pty Ltd» / Decision of the Supreme Court of Victoria of 27 February 1976 № [1976] VicRp 50; № [1976] VR 501 // <<http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/sinodisp/au/cases/vic/VicRp/1976/50.html?>>.

³ Case «Commissioner of Taxation v. Word Investments Ltd» / Decision of the Federal Court of Australia of 3 November 2006 № [2006] FCA 1414 // <<http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/sinodisp/au/cases/cth/FCA/2006/1414.html?>>.

⁴ Case «Billington v. Secretary, Department of Families, Housing, Community Services and Indigenous Affairs» / Decision of the Federal Court of Australia of 22 May 2013 № [2013] FCA 480 // <<http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/sinodisp/au/cases/cth/FCA/2013/480.html?>>.

⁵ Case «Jaensch v Coffey» / Decision of the High Court of Australia of 20 August 1984 № [1984] HCA 52; [1984] 155 CLR 549 // <<http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/sinodisp/au/cases/cth/HCA/1984/52.html?>>.

⁶ Case «Shane Thomas O'Brien v. Minister for Immigration, Local Government and Ethnic Affairs» / Decision of the Administrative Appeals Tribunal of Australia of 28 June 1988 № [1988] AATA 561 // <<http://www.austlii.edu.au/cgi-bin/sinodisp/au/cases/cth/AATA/1988/561.html?>>.

М. В. Батюшкина

*Законодательное Собрание Омской области,
г. Омск*

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СУБЪЕКТА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ДИСКУРСА

Актуальность темы исследования обусловлена научно-теоретической значимостью вопросов, связанных с формированием системы научных представлений о природе законодательного дискурса. Важные моменты, которые отмечают исследователями при рассмотрении различных аспектов законодательного дискурса (М.П. Брандесом, М.Е. Жуковой, О.А. Крапивкиной, К.Ч. Рекошем, А.А. Чекалиным и др.), могут быть учтены при описании дискурсивного пространства законодательных текстов, а также способны оказать многообразное воздействие на практику работы российских парламентов, в том числе на экспертное сопровождение законодательного процесса.

Законодательный дискурс определяет способ трактовки общества и государства, а также человека в обществе и государстве. В связи с этим важность определения статуса субъектов – участников законодательного дискурса имеет следующие основания. Во-первых, исследователи законодательного дискурса на первый план выдвигают законодательный текст и непрерывный процесс законотворчества, оставляя за пределами законодательного дискурса такой его базовый компонент как субъектность. Во-вторых, субъекты законодательного дискурса конструируются законодательным дискурсом, т. е. являются составной частью законодательного дискурса. В-третьих, субъекты своими волевыми решениями и действиями конструируют законодательный дискурс, и в этом случае законодательный дискурс может быть рассмотрен в качестве «производного» от субъективной деятельности определенного круга лиц.

Российская модель юридического дискурса, образуемого на двух уровнях: федеральном и региональном, предполагает множественность субъектов законодательного дискурса. Данные субъекты имеют прямое или косвенное отношение к созданию и применению на практике законодательных текстов. В качестве субъектов законодательного дискурса позиционируются не только индивидуальные языковые личности, но и коллективные субъекты (группы людей, органы власти, организации, социальные институты и проч.).

В нашем исследовании субъект законодательного дискурса – это собирательный и обобщенный образ, который мы распространяем на множество субъектов, нивелируя при этом специфические различия этих субъектов, сделав приоритетной их доминантный связующий признак – характеристику функциональной роли в законодательном дискурсе. На наш взгляд, система субъектов, сложившаяся в российском законодательном дискурсе, обусловлена прежде всего четким распределением функциональных ролей данных субъектов. Определенность функциональной роли субъекта рассматривается в качестве основного фактора организации законодательного дискурса и его результативности. Другими словами, чем лучше субъект выполняет свою функциональную роль, тем эффективнее законодательный процесс и его результат – российские законы. При изменении функциональных ролей